

18+

АЛЕКСАНДРА ОКАТОВА

КАИНОВЫ СКАЗКИ

ПРЕМИЯ ИМ. А. А. БЛОКА

СЕРИЯ
МИРЫ
ПОЭТОВ

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Александра Окатова

**Каиновы сказки.
Премия им. А. А. Блока**

«Издательские решения»

Окатова А.

Каиновы сказки. Премия им. А. А. Блока / А. Окатова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490780-3

«КАИНОВЫ СКАЗКИ» — сборник лирических стихотворений о кричащей и кровоточащей любви, пронизанный сердечной болью, знакомой каждому читателю, когда-либо испытывшему восторг и отчаяние неразделённого чувства. Поэтические волны захлёстывают и утягивают за собой в океан подобно цунами.

ISBN 978-5-79-490780-3

© Окатова А.
© Издательские решения

Содержание

КАИНОВЫ СКАЗКИ	6
I. КАИНОВЫ СКАЗКИ	7
Крест	7
«Набелюсь и нарумянюсь...»	8
Стикс	9
Мечь	10
Измены	11
Сад смерти	12
Любовь и смерть	13
Похороны любви	14
Бродячий сюжет	15
Schneewittchen	16
Будь что будет	18
Жених-разбойник	19
Ворона	20
Кольцо с рубином	21
Тюльпаны	23
Румпельштильцхен	24
Месяц	26
Баллада о калехах	27
Цирцея	28
Арахна	29
Любовь	31
Пелей и Фетида	32
Неволшебная страна	34
Йоринда	35
Рождество	36
II. ПЕСНИ ДЛЯ ОДИНОКОГО ГОЛОСА	37
Ветер	37
Сердце	39
Девичья жалобная	40
«На ладошке листика...»	41
Это я	42
Игрушки	43
«Скрипка сердце мне сжигает: что там впереди?..»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Каиновы сказки Премия им. А. А. Блока

Александра Окатова

НП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Дондупова С.Ж.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Old Fashioned

ISBN 978-5-7949-0780-3

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги номинантов

(участников) конкурса им. А.А. Блока,

проводимого Московской городской организацией

Союза писателей России

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Александра Окатова, 2022

ISBN 978-5-7949-0780-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАИНОВЫ СКАЗКИ ОТ АВТОРА

Первая книга моих стихов вышла в 2013 году. Спасибо старшему сыну, который подготовил её к печати. Книга называлась «Опавшие листья». Так же называется книга Василия Розанова и песня, любовь к которой досталась мне от родителей. Хорошее название, жаль только, что не я первая его использовала. Хотя, почему жаль? Не я первая, не я последняя! Здесь мы встречаемся с общечеловеческим законом – проявлением архетипического в нашей жизни, физической и духовной. Кто не грустил по поводу быстротечности жизни и не сравнивал улетающие от нас дни с осенними листьями, срывающимися с лёгким щелчком с ветки и без сожаления летящими ленивыми галсами, как жёлтые крылья умерших бабочек, к притягивающей их да и нас тоже, земле, дарящей всем покой? Ничего более наглядного, чем осенний листопад, как образ приходящей в своё время смерти, я не знаю. Поэтому моя первая книга стихов получила название «Опавшие листья».

Когда я начала писать стихи? В юности. Только писала я в полусне, с закрытыми глазами, не видя, а только предчувствуя. Самое томительное, щемящее и волнующее в той поре – именно предвкушение. Сейчас я думаю, что это было самое чудесное время, когда только ещё ждёшь, пытаешься предвидеть своё будущее, и мир предстаёт перед тобой огромным, полным загадок и предстоящих открытий. Мир выглядит и является огромным подарком тебе. Будто ты – охотник и стоишь пред волшебным, бесконечным и вечным лесом. Ты войдёшь в него, чтобы завоевать свой приз, свою награду, прекрасную, пока неведомую тебе. А теперь я понимаю, что нет ни прошлого, ни будущего, есть только нескончаемое, зыбкое, изменяющееся настоящее – твоя личная погоня за несбывшимся. Впереди туман, позади обман, а ты, как канатоходец, идёшь по дрожащей струне своего желания, и чем яростнее ты желаешь, тем туже натянут канат. Он становится упругим и отвечает на каждый твой шаг, прибавляя тебе сил и азарта.

По-настоящему я стала писать стихи, когда у меня заболело сердце. Нет, не сердечная болезнь была тому причиной – просто боль от невозможности терпеть немоту заставила меня писать стихи. Когда у меня сильно болит сердце – я пишу стихи. Когда не сильно – прозу. После первой книги стихов мне значительно полегчало. Стихи, правда, на время оставили меня, зато пошли рассказы, буквально по рассказу в день. Иногда стихи возвращаются, но уже не так интенсивно прорастают сквозь мои зажившие раны. Один издатель вежливо не принял мои стихи, сказав: «Пожалуйста, найдите что-нибудь без крови!» «У меня нет бескровных стихов», – подумала я и ничего менять не стала. И правда, у меня трудно найти стихи без слов «сердце» и «кровь». И я этому рада.

Позже появились публикации в периодических изданиях: в журналах ЛиФФт, журнале Поэтов ДООС, в коллективных сборниках: «Автограф», «Золотые пески», «Вальс влюблённых», «На пороге осени», «Золотая осень», в альманахе «Российский колокол».

Мои стихи – как пущенные блинчиком камешки. От них пойдут круги, волны, вибрации осеннего воздуха, и я надеюсь, что услышат их те, кого негромко вспоминает моё сердце.

*Искренне ваша,
Александра Окатова*

I. КАИНОВЫ СКАЗКИ

Крест

Когда мой милый руки на кресте раскинет,
и на ладонях выступят стигматы,
то не моя вина, что смерть он примет
на мною выбранном кресте – распятый.

Я – самое ценное дерево в мире —
я к свету тяну, словно листья, ладони.
Сочится из них благовонное мирро,
и люди кладут мне, как Богу, поклоны.

Я выбрала самые длинные гвозди
и крепких слепых кузнецов пригласила —
и вены их, как виноградные грозди,
вздуваются чёрною грубою силой.

Вы наши ладони совместно пробейте,
(глаза зелены твои, будто бы мята)
и крови смешавшейся в чашу налейте,
и пейте вино за здоровье распятых!

«Набелюсь и нарумянюсь...»

Набелюсь и нарумянюсь,
юбку красную надену
и пойду походкой смелой
я за городскую стену.

Там под небом ярко-синим
лягу под кустом зелёным
с самым злым и самым сильным
я с бродягою влюблённым.

Будем с ним соревноваться —
он в жестокости — я в ласке,
буду нежно прижиматься,
губы закушу от страсти.

Я ему навстречу тело
так подам, как в воду кинусь,
как тебе подать хотела,
только ты меня не принял.

Самый злой тебя добрее:
не отвергнет мой подарок.
— Обними меня скорее,
поцелуй твой зол и жарок.

Как уйдёт он — не замечу,
мне теперь никто не нужен,
я платком закрою плечи,
косы заплету потуже.

И вернусь дорогой пыльной
мимо той стеклянной башни,
где ты что-то пишешь, милый,
где ты ищешь день вчерашний.

Вот теперь ты мной доволен?
Ты, любимый и свободный?
Мне сейчас почти не больно,
что ты был со мной холодным.

Стикс

Ты не найдёшь меня среди живых
и среди мёртвых не отыщешь.
Харон среди теней людских
уже не слышит, как ты дышишь.

Под мёртвым языком обол лежит —
к Аиду путь теперь свободен,
Харон мне в душу поглядит —
он взгляд свой хмурый не отводит...

Из Стикса зачерпну святой воды
и, наклонясь с челна, умоюсь.
На берегу – своих родных
приму, прощу и успокоюсь.

Я здесь своя, я смерти не боюсь,
здесь всюду души предков реют.
Полынной горечи напьюсь.
В огне родных костей согреюсь.

Родные тени. Я теперь средь них.
И счастье полное такое...
Здесь новых встречая живых,
мы посидим на берегу. В покое.

Месть

Под стягом осени багряной
стяну я силы для броска,
и захлебнутся кровью пряной
твои разбитые войска.

Мне не нужна твоя корона,
мне не нужна твоя земля,
но я сломаю эти стены,
без жалости сожгу поля.

Ты десять лет держал осаду,
так были стены высоки,
что солнца не хватало саду,
и были яблоки горьки.

Я призову тебя к ответу:
Ты будешь робок, я грозна,
и буду я подобна свету,
слепящему твои глаза.

И ты мой счёт оплатишь смертью:
я жадно выпью твою кровь
и нежно вырву твоё сердце
и, размахнувшись, брошу в ров.

Я предъявляю счёт: ты должен
не пробудиться поутру.
Тебя хотела я так долго,
что этим вечером умру...
...И будет замок твой дымиться,
во рву станет кровью вода.
И души умерших солдат
разлетятся как птицы,
и только твоя
не покинет меня.
Никогда.

Измены

Осенних листьев горький аромат
твои глаза в тумане мне рисует,
дождь поцелуями прикидываться рад
и ими стать, мне кажется, рискует.

Листом кленовым, словно нимбом золотым
обманут Бог, как ласкою Иуды,
но самым нежным был лишь тот один —
из тысяч самых нежных поцелуев.

Обманчивы слова и «нет», и «да»,
обманчивы дождя косые струи,
но остаются неизменны навсегда —
измены, расставанья, поцелуи.

Сад смерти

Смерть всех примет,
всех примирит,
избавит от забот
и, единственная,
будет всегда с тобой.

Там прегрешения отмыты,
там мёд забвения рекой,
и горький запах аконита
печаль снимает, как рукой.
Меж ярких башен наперстянки
белеют звёздочки цикуты.
К Давиду льнёт сунамиянка,
душою девичьей укутав.
Жизнь разведёт, а смерть сомкнёт объятья,
прохладен заботливо сотканный лён,
завёрнуты оба в смертельное платье
Каин и Авель – вдвоём.

Там, отвернув белый чистенький череп,
сложив на груди отчленённые кисти,
Иезавель, не предавшая веру,
лежит, облечённая в пурпур и виссон.
Там сосны колоннами строятся в ряд,
их корни – как жилы земли,
и, как богомольцы, покорно стоят
гранитные валуны.
И там, засыпая под музыку сфер,
поют, шелестят деревья,
всё так, как хотел всегда Олоферн:
Юдифь и его голова.

Там Пётр до зари отречётся не раз,
а Яхве не примет дары,
и только в этом саду у оград
цветут золотые шары.
Над нами склонятся тихо цветы
размером с мужской кулак.
– Я их любила, а ты?
– Со мною рядом приляг!
– С тобой!? В раю ли, в аду,
я, гордая Иезавель,
в самом печальном саду
лягу одна, поверь.

Любовь и смерть

Когда последний лист, как пьяный,
 падает на землю,
когда объятия саднят, как содранная кожа,
покорно и легко я немоту приемлю —
любовь и смерть твердят всегда одно и то же.

Любовь и смерть твердят всегда одно и то же...
Беззвучно я кричу, глотая слёзы,
и даже кровь моя остановить тебя не может,
горит невысказанное «нет»,
как раскалённое железо.

Ты снова сделал вид,
что ты меня не слышишь,
но в глухоту твою не верю – не похоже —
ведь музыка, звучащая в тебе, берёт всё выше —
любовь и смерть твердят всегда одно и то же.

Любовь и смерть твердят всегда одно и то же:
зовут, целуют – две всесильные богини,
и каждая зовёт к себе на ложе...
А я, безгласная, стою посередине.

Похороны любви

Кресты. Ограды в грудь. И сочный
под ногами хруп костей.
Золотой и непорочный
день над поймой. Это дача.
Не кресты? Огороды,
маленькие, как могилы,
страшное место. Роды
цементного завода в пойме.
Гиблый воздух. Язва.
Безумие цивилизации.
Хруп. Хруп. Хруп.
Ядовитое полнолуние.
Любовь была такой хрупкой,
сейчас – труп.
Нежно – наклоняюсь и, напрасно,
дыша ей в лицо, пытаюсь
её оживить.
В помертвелости – отблеск страсти.
Моёй? Твоей? В землю лицом, каюсь
над бедной: она была чистой. Вечный
покой тебе, светлая. Как нам
жить без тебя? Ногтями
рою ямку. Нужна небольшая —
после смерти любовь
стала маленькой, так и тянет
к ней прикоснуться... Руками шаря,
как воду, сжимаю тающее её тело.

– Мы сошли с ума, – кричу в исступлении.
– Не надо закапывать! Это моё дело!
Не надо! Моя – живая!
Не надо закапывать, лучше – меня!
(Я невменяема? Невменяема.
Я что-то кричала и билась
головой тебе в темя).

Я проклинала всех богов,
крича от боли и отчаянья...
– Кого хороните?
– Любовь, – беззвучно отвечала я.

Бродячий сюжет

Взять бродячий сюжет,
напоить его собственной кровью,
и у сердца согреть,
под своею оставив кровлей.

Смотреть, как розовеют щёчки у сюжета,
в его глазах читать свои мечты,
с ним тихо говорить и робко ждать ответа,
и узнавать в его лице свои черты.

И у кровати, опустившись на колени,
под тоненькую шейку подвести ладонь
и замереть. Когда растает звук молений,
тихонько встать и погасить огонь.

И помня о тревоге ветра за окном,
с щемящей грустью слушать гул метели,
и согревать родной сюжет своим теплом,
чтоб утром – не найти его в постели.

Schneewittchen

Всё как в сказке.
Всё как надо.
Гроб хрустальный.
Вокруг ограда
живая. Осины.
Утро холодное.
Воздух синий.
Солнце робко
проглянет сквозь зелень,
лес тебя
в самом сердце лелеет.
Лес ревниво
тебя охраняет
и росу,
свои чистые слёзы,
роняет.
Что слышала ты?
Встрепенулась,
слабо вздрогнула
и проснулась.
Ясным, чистым
и тёплым лбом
резко встретилась
с хрусталем.
Ласку лучика
шаловливого
приняла ты
за губы любимого.
Иль лесной
затаённый шум
потревожил
твой спящий ум?
Шорох ящерицы
в камнях
или вздох ветерка
в кустах
приняла ты
за шорох шагов.
Рано проснулась,
рано, твой приход
ещё не готов.
Тишина в ушах
непривычная.
Ну-ка плечиком,
горемычная,

хоть и хрупкая —
сильная, ладная,
что ж не можешь ты
с крышкой сладить?
Встать нельзя
и нельзя идти.
Хочешь – плачь.
Хочешь – в высь гляди.
Ты сквозь листья
увидишь облако.
Что же делать?
А вспомни-ка яблоко!
Как же больно тебе,
красавица,
пока дышишь ты,
с болью не справиться.
Ну, смелей,
так с тобой уже было,
страшно, милая?
Не забыла?
Ну, смелее,
так сладко и нежно,
так свободно
и безнадежно.
Ах, спасибо за яблоко,
мачеха,
как легко мне
и радостно плачется.
К алым губкам
его подносила.
Кожицу гладкую
про-ку-си-ла.
Спи, красавица,
спи, невеста.
Где твой принц,
никому неизвестно.
Лес склонился
над драгоценной добычей,
настороженный, тёмный
и необычный.

Будь что будет

Будет лучше.
Просто. Бедно.
Была – лучик,
стану – ведьма.

Пальцы длинные,
словно сломаны,
взгляды дымные,
мысли тёмные.

Была прозрачная,
как родниковая,
теперь незрячая,
вся в лёд закована.

Обломаются края,
в проруби потонет
непосредственность моя —
сердце на ладони.

Жених-разбойник

Мне осень поднесла вина:
как кровь, янтарь и снег – тройного.
И это не моя вина,
что рвётся сердце от такого.

Я помню, что сама пришла
в зловещий лес, в притон разбойный,
ему внимала не дыша,
а он был бледный и спокойный.

Сама пришла, сама ложусь
на стол, залитый алой кровью.
Здесь смерть моя – я не боюсь,
клянусь – не поведу и бровью.

Там сразу разорвут на мне
красивое льняное платье,
и дело вовсе не в вине,
и не в таинственном заклатье.

– А перстень твой с мизинца снять,
увы, никто уже не сможет, —
мне говорила, плача, мать.
(Жених пугал её до дрожи.)

Под лезвием ножа сверкнёт рубин:
мизинец упадёт мне на колени.
Мне всё равно: жених, лишь он один —
и смерть моя, и муж мой вожаженный.

Мне осень поднесла вина:
как снег, янтарь и кровь – тройного,
и это не моя вина,
что рвётся сердце от такого.

Ворона

Опять ты не дал мне напиться.
Я не в обиде. Я привыкла.
Опять неразличимой птицей
Придётся в небе мне кружиться.

Взмахну руками как крылами
и посмотрю в глаза по-птичьи —
и расстояние между нами
придётся сильно увеличить.

Я днём проклятою вороной
осуждена одна скитаться,
и только ночью длинной, тёмной
смогу тебе я показаться.

Тебе придётся постараться —
расколдовать меня не просто:
вслепую с демоном сражаться,
и с простаком большого роста.

Три дня не спать, три дня не бриться,
не есть, не пить и матери не верить,
с обрыва прыгнуть и разбиться —
чтоб смерть ужасную примерить...

Вороной, днём, тебя забуду.
Придёшь – тебя я не узнаю,
и от тебя скрываться буду,
с куста на куст испуганно перелетая.

Опять ты не дал мне напиться.
Я не в обиде. Я привыкла.
Опять неразличимой птицей
Придётся в небе мне кружиться.

Кольцо с рубином

Хрустальный купол голубой,
берёзы жёлтая тревога,
о возвращении домой
мечтает старая дорога.
В густом лесу среди берёз,
за изгородью из скелетов
и над прудом из чистых слёз
стоит мой дом, не зная лета.

Навечно осень в доме прижилась,
там нету лет и зим, и нету вёсен,
там каждая былинка горем налилась,
а воздух там тяжёл и смертоносен.
В моём роду русалки – все.
Не зря в деревне люди нас боялись
и сразу узнавали по косе
из локонов, что змеями свивались.

Я раньше очень мстительной была —
я никогда виновных не жалела,
волшебницей без сердца я слыла,
и магией свободно я владела.
А трое юношей меня пытались полюбить —
расколдовать меня они хотели,
пришлось их, бедненьких, убить,
и я от крови чистой захмелела.

Один лежит с ножом в груди,
другой сокрыт в чащобе леса,
его следочков не найти,
а кости третьего разбросаны по плёсу.
Три чистых сердца на моей груди
сияют ярко, будто три рубина,
и лучшего подарка не найти
для моего седого господина.

Два сердца я ему отдам,
но утаю твоё сердечко,
два сердца он подаст – гостям.
Из твоего, пожалуй, сделаю колечко.
В октябрьскую особенную тишь
мне кажется, я слышу твои стоны,
мне кажется, от неги ты кричишь,
моей любовью истомлённый.

Мой муж измены не простит,
любовь преступную заметит,
и он захочет отомстить,
а я не побоюсь ответить.
Я глаз своих не опущу,
не заслонюсь в полупоклоне,
я душу к Богу отпущу —
зажгусь звездой на небосклоне.

И ты меня благослови:
остра любовь, как нож, и вечна.
Ты берегись моей любви —
горячей, строгой, бесконечной.
Мой господин сорвёт с руки кольцо,
но заглянуть в глаза уже не сможет
и, наклонив холодное лицо,
кольцо на веки мёртвые положит...

...и тело хладное столкнёт
ногою с ветхого помоста,
и надо мною пруд сомкнёт
потoki слёз прозрачного погоста...
Мерцает солнце надо мной
сквозь толщу вод неощутимо,
и дни земные чередой,
меня не задевая, мчатся мимо.
Темнеет купол голубой,
как ночь, опустится тревога.
О возвращении домой
и не мечтает старая дорога.
В густом лесу среди берёз
за изгородью из скелетов,
в глуби пруда из чистых слёз
исчезнет дом, не ведающий лета.

Тюльпаны

Вот голову повесил первый воин,
подрезанный недрогнувшей рукой,
тюрбан его багровой крови полон,
по жилам растекается покой.

И никнет вслед за ним второй и третий.
Недолгий век тюльпанам отвела судьба —
сказать Ей о любви цветы пытались эти...
Напрасной оказалась ворожба.

О вы, заложники любовной переписки,
на хрупких стебельках дрожащие сердца,
любовь и смерть вам равно близки,
умрёте вы, сказав любовные слова.

Все девять в шёлковых тюрбанах тёмных
грустят в хрустальной ледяной тюрьме
и ждут, когда красавица рукою томной
сломает стебли их, сказав: вы надоели мне...

Румпельштильцхен

В чёрной башне над рекою,
загадав на чёт и нечет,
над отрубленной рукою
девушка тихонько плачет.
Сто имён она сказала:
Парсифаль, Полди и Райнхольд,
Стефан Хильдеберт и Фридхольд.
Как назло не угадала:
Адальберт, Кифер и Готтард,
Олберих, Рабан и Мейнхарт,
Симен, Фридерик и Руперт
Эб, Рудольф, Рикерт, и Хупперт?
Видно, и вторую руку
злой карлик ей отрубит.

Закусив зубами муку
и одевшись по погоде,
привязав за спину руку,
в лес одна она уходит.

В чаще тёмной и глубокой
смерть свою она отыщет,
и отдастся черноокой —
не бывает страсти чище.

Птицы спят, и рядом с ними
спит Безручка. В чаще – тихо.
(лишь своё чудное имя
напевает Румпельштильцхен.)

И холодной светлой стаей
сны кружатся, улетаю,
прялочка жужжит, сплетая
их в снежинки, что не тают.
А Безручка, как проснётся,
Румпельштильцхена коснётся
и в ушко прошепчет нежно:
– Как зовут тебя, я знаю,
и тебя метелью снежной
я до смерти укрываю.
И одной рукой обнимет,
только жаль, что не согреет...
Капли крови на равнине
приведут к ней менестрелей.

Птицы спят, и рядом с ними
спит Безручка. В чаще – тихо:
лишь своё чудное имя
во сне видит Румпельштильцхен.

Месяц

Морозно дыша в меха,
ласково гнулась от смеха.
– Мой милый, какая потеха:
мужская стезя – везде нелегка!
Ты посмотри ввысь!
(Зрачок блеснул, как звезда)
Звёзды огнём зажглись,
и каждая – влюблена.
Огромен небесный свод.
Пасет мириады звёзд
месяц, любовью богат...
И никого вокруг.
Но приглядишь, друг:
даже месяц – рогат!

Баллада о калеках

Молчанье – жженье языка о нёбо.
– Я – скульптор... – уронил безрукий.
– Художник, – выдавил слепой,
и оба в глухом угадали
властителя звуков.

Безрукий шептал в горячке:
– Зачем мне руки?
Могу губами и языком
касанием длинным
из глины —
тело гордячки
с повадками лани,
создать.
Да хоть коленом.
А не достану,
так членом.
И, холодея,
глина твердеет.
– О, Галатея!

Слепой художник, глядя
товарища плечо без продолженья,
сказал: – А я не глядя,
могу любое отраженье
любой души
на полотне создать.
Мне видно всё.
До чёрточки.
Сердцем моим,
чёртовым.
А тот, который не слышал —
молчал.
Он слушал —
кожей, мозгом, кровью,
он пел – сомнением, любовью, болью.
Он думал: «Я внутри себя звучу,
а, следовательно, существую,
мелодией взлетаю,
воспарив, лечу.
Я музыку могу —
любую».

Цирцея

Нет у меня волшебного напитка,
чудесный жезл в руках я не держу.
Наивна с виду и чиста моя улыбка.
(Ты помнишь, как я от любви дрожу?)

Да, я нарочно улыбнусь мужчинам,
расправив плечи, мимо них пройду,
пока их взгляды прожигают спину,
я вызывающе бедром качну.

Мужчины превращаются в свиней?
Их лица – отражение жадности моей?
Да, я – худшая свинья.
Бесстыдная и жадная – Цирцея.
Но мой любимый вовсе не таков:
он лучше всех людей и выше всех богов.
О, мой любимый так прекрасен,
так нежен и возвышен, что не опасен
ему проклятый дар мой.
Спешу к любимому я прикоснуться
и... чувствую щетину под рукой!

Арахна

– Это комплекс Арахны: падают волосы,
тело высохло, потеря голоса.
Мне все ясно, – каркает призрак врача —
Господи, рука-то как горяча,
(наклоняет лысую голову)
вот это бред, это здорово...
– Ты говоришь, что я тебя связала,
связала по рукам и по ногам,
и даже сердце я без жалости
опутала тончайшей паутиной...
Ты двинуться не можешь, повернуться,
не чувствуя легчайшего прикосновенья...
Ты так и хочешь снять меня с лица,
смахнуть, убрать, освободиться,
а я опутываю снова и плету, тяну к себе,
наматывая плавно, собирая в сердце...
Концы сети – в глазах и уголках губ...
Мне помогает солнце,
связывая нити —
ну как тебе освободиться,
если даже дом твой напоминает обо мне,
и зеркала твои в тоске мечтают,
чтобы в них могла я отразиться,
мечтают о моей улыбке и глазах...
И окна дома деревенского хранят
воспоминанья обо мне,
и легкого прикосновенья моих рук
во веки не забудут даже стружки,
струившиеся по земле,
хотя им скоро пеплом стать в огне...
Но даже пеплом став, они не позабудут
моей любви к тебе...
Тебе напомнят обо мне осины,
дрожащие в потоках ветерка,
и лебеди, змеиные сгибающие шеи,
карьер песчаный,
та звезда,
следившая за нами,
заглядывая в окна терема...
Река, придавленная каменным мостом...
Крик электрички и вечерняя толпа,
и переполненный вагон метро,
и дверь твоя, меня впускавшая...
Я, паучиха, узор соткавшая...
И боги накажут меня за него...

Любовь

Она надеется и ждёт,
и терпит, и виновных не порочит,
она согреет мир, растопит лёд,
и веру в лучшее упрочит.

Покроет всё и всё простит,
не упрекнёт и не осудит,
и золотом фальшивым не прельстит,
и гнев неправедный остудит.

Она так бесконечно далека,
она так беззащитна, так нелепа.
Любовь к созвездиям? Любовь к богам?
– Любовь к другому человеку.

Родятся и исчезнут племена,
прервётся связь времён, как паутина,
забудутся пророков имена,
и лишь любовь пребудет вечной и единой.

Пелей и Фетида

Позолотила края облаков розовоперстая Эос,
мчится навстречу ей вихрем Ирида.
Быстро скользят по дуге разноцветные кони —
кончился дождь над морскою границей.
На берегу собрались герои и боги —
важных событий они ожидают:
будет сегодня нимфа Фетида
отдана Посейдоном герою в жены.

Гордый, как кочет, царь Пелей выступает,
поручи золотом красным червонным сияют,
поножи чресла его облегают,
блестя серебром и зарю затмевая.
Замуж не хочет Фетида, дочь кентавра Хирона,
не желает она подчиниться простому герою.
Хочет убить героя гордячка,
не слушает нимфа Посейдона...

На берегу пред горами седыми
разбили чертог для священного действия.
Чудный узор тот чертог покрывает —
выткала этот узор на погибель свою, Арахна.
Боги спустились по радуге с неба.
Расселись. В центре Зевс и суровая Гера.
Нет, не сошли с запястий Геры следы от цепей,
заковал её в них Гефест – по приказу Зевеса.

Все боги здесь, одесную Зевеса: Аполлон с Афродитой —
вроде, брат и сестра, а милуются словно супруги.
Рядом стоит Афина, ревниво обнимает её Артемида.
Смотрит на них Гермес хитроумный,
и хромо́й Гефест за спины их прячется —
страшится он гнева обиженной Геры.
Все боги хотят поучаствовать в свадьбе
Пелея с Фетидой – только она замышляет другое...

Вышел Пелей и хозяйской рукою
нагло приобнял строптивую нимфу.
Боги, перебивая друг друга, кричат Пелею:
– Обними её крепче – и будет она твоею!
Рвётся из крепких объятий Фетида,
то в волну, то в вулкан превращаясь,
то гадом морским извиваясь в руках героя —
но напрасно тщится убить его грозная нимфа.

Крепче крепкого держит Пелей Фетиду!
Нежно её обнимает. Ласкает.
Главное – удержать, не разомкнув объятий!
И постепенно гаснет гнев рыбьехвостой нимфы,
и вот она уже в губы героя целует,
забыла уже, что убить героя хотела...

Каждая женщина хочет игрою,
как прекрасная нимфа, – покорить своего героя.
И каждый мужчина – укрощает свою Фетиду.

Неволшебная страна

Слова там пустой звук.
Стихи там пустой слог.
Там волком глядит друг.
Там ветер надежд слёг.

В глазах там ножа блеск,
там голос сорвётся на вой.
Там волн безразличен плеск,
особенно над головой.

Йоринда

Теперь меня зовут лесной колдуньей,
сама едва ли помню, как меня зовут...
И холодом по коридорам замка веет.
На крики мои слуги не придут.

Я сорвала ковры. Открылись стены,
холодные и мёртвые, как я.
И мраморным рисунком тают вены.
Сияет за бойницей лунная заря.

Погасли и дымят камины,
разбиты зеркала и витражи.
А будешь хоронить меня – под спину
осколки витражей ты, не жалея, положи.

Сегодня утром прилетали твои птицы —
ты удивишься, что я делала потом:
в заговорённых чёрных рукавицах
я угощала их – отравленным зерном.

За шагом шаг я с жизнью попрощалась.
Осталось, милый, попрощаться мне с тобой.
Я прошлую любовью причащалась,
пропитанной обидой и бедой.

Молиться Богу? Верую, не веря...
Но что мне безразличие природы,
где каждая отдельная потеря
лишь добавляет степеней свободы?

Рождество

В гостиницах не было места.
Звезда горела зловеще.
Ирод же ждал вести,
но его обманули вещие.
Всё в жизни младенца —
предательство за предательством:
Иосиф качает чужого сына.
Мария услышит: «Ты не мать мне!»,
и кровь у неё в жилах застынет.
Иисуса можно понять: как жить,
если из-за Его рождения
Ирод преследует тыщи младенцев,
и оком дьявола светит звезда Вифлеемская,
и с кровавыми свёртками матери мечутся —
не знают, несчастные, что же им делать.
Каин сказал бы:
«Сын удался в отца – жестокий,
да и похож на Авеля:
как телец – волоокий».
Но Каина в живых уже нету,
как говорится – канул в Лету.
«Dies Natalis Solis Invicti»
в честь твоего рождения,
злобу Ирода обнаруживая,
холодное солнцестояние
стало Божьим оружием.

И стоили разве крови младенцев —
золото, ладан и смирна,
волхвами блаженными принесённые,
когда звёзды, заглядывая сквозь дыры в крыше,
предвестием ёлок, шаров и яблок,
стояли в дожде и холоде, светом беды осенённые.

II. ПЕСНИ ДЛЯ ОДИНОКОГО ГОЛОСА

Ветер

Ветер шёлковым крылом
не притронется —
за узорчатым крыльцом
всё хоронится.

А как выйдет – зашумят
липы тёмные.
Саша прячет от ребят
очи томные.

Тоненькая косточка,
голубая кровушка,
быстрая, как ласточка,
сладкая, как волюшка.

– Что же, Саша, ты дрожишь
и пугаешься?
Что ж от ветра ты бежишь,
закрываешься?

– Почему одной тебе
платье развевает?
Почему одну тебя
гладит и ласкает?
Руки белые подхватят —
в хоровод ведут:
– Выйдем, Саша, хватит плакать!
– Ноги не идут!

Веки тонкие слезой
горькой полнятся,
Саша жаркой головой
к другу клонится:

– Буйный ветер на меня налетает.
Из огня да в полымя он бросает!
Словно молодец меня обнимает,
косы русые мои расплетает.

Ни покоя, ни сна не даёт,
о любви мне он шепчет, поёт.
Ах, такое мне шепчет, проклятый,

мне и жутко, и странно-приятно.

Как прекрасен ветер в лесу.
Мне он шепчет: «Тебя унесу.
Там, в зелёной лесной стране
будем вместе... Ты веришь мне?

Там, как море, шумит иван-чай!»
– Друг, меня не ищи, прощай.

Сердце

До белых мух недалеко
и до печали.

– Нам расставаться нелегко, —
грачи кричали.

– Я потушу в глазах огонь, —
сказала осень.

А я ей говорю: не тронь,
мне больно очень.

До глаз повяжет мне платок,
обрежет косу.

Скатись слеза на уголок, —
заплачет осень.

Суровой ниткою, без слов
и сожалений,
зашьёт улыбку, вытрет лоб:
там пот сомнений.

– Пожалуй, краше в гроб кладут, —
соседи скажут,

поплачут скупой и уйдут,
а гроб обмажут

смолой. И в реченьку столкнут:

– Плыви, бедняжка,
ты не понадобилась тут,
прощай, бродяжка!

И поплыву я по реке
в гробу, живая,
леса шумят невдалеке,
переживая.

И шум лесной в последний раз
в дому без дверцы,
услышав, я отдам приказ:
Утешься, сердце.

До белых мух недалеко
и до печали.

– Нам расставаться нелегко, —
грачи кричали.

Девичья жалобная

Под сосною, под сосной,
под сосной любовь зарой.
Ярко вспыхнет та сосна,
пламенем объятая,
а любовь, а любовь
не горит, проклятая.

Под осиною в тени
ты мороку схорони.
Как под ветром та осина
до земли склоняется,
а проклятая любовь
не гнётся, не ломается.

Под плакучей ивою
спрячу несчастливую.
Ива волосы седые
в речку уронила.
Здесь проклятую любовь
я похоронила.

«На ладошке листика...»

На ладошке листика
прописью прожилок
пишет милый мне письмо —
без меня как жил он.

Я читаю без труда
ласковые строчки:
сладко не спалось ему
ни единой ночи.

Не пилося ему, не елось,
да и не любилось,
даже сердце без меня
радостно не билось.

На ладошке листика
росчерком прожилок
пишет милый мне письмо,
что вовсе не тужил он.

Не грустил, не тосковал
без меня нимало:
каждый вечер новую —
деву обнимал он.

Я на ветер брошу лист —
полетит-закружится,
осень новый мне пришлёт,
верная подруженька.

Это я

Неожиданно, как снег,
и стремительно, как дождь,
прилетела я к тебе.
– Ты меня не узнаёшь?

О дорогу пыльную
посох обломала я,
истрепала крылышки,
как пичуга малая.

Я стою бескрылая
и от солнца чёрная,
и глаза закрыла я,
с горем обрученная.

Поцелуи были сном,
твои ласки были – ложь,
по ресницам ветерком:
ты меня не узнаешь.

Не печаль свои глаза,
изогнув вопросом бровь —
не узнать меня нельзя —
это я... твоя любовь.

Игрушки

По сказочной улице в сказочный дом
я прихожу холодным ранним утром,
там сказочное солнце за окном
в моё лицо заглядывает мудро.

Там всё скользит, летит – не упадёт,
там тишина волшебная такая,
которая из дома не уйдёт —
хоть пой весь день и ночь, не умолкая.

На каждый шаг мой отзовется половица
спокойным и солидным вздохом,
дом улыбнется – стоит мне явиться,
и будто скажет: без тебя мне плохо.

Я к твоему плечу прильну горячим лбом,
всем телом я к тебе прижмусь, любимый.
мир без тебя мне кажется тяжёлым сном,
мой долгожданный, мой незаменимый.

И вновь, и вновь – тянусь к тебе опять.
Но повторяешь ты: не надо,
А если хочешь ты кого-нибудь обнять,
вон – плюшевый мишка на диване.

Чужое всё. И я чужая здесь. Одна.
Боюсь спросить, боюсь пошевелиться,
мне спрятаться, чтоб не была видна.
– Уйди, – мне скрипнет злая половица.

Я нежно плюшевого мишку обниму,
и в мордочку его свой нос уткну.
А он вздохнёт: ах, дорогая Саша,
как жаль – ты никогда не будешь нашей.

«Скрипка сердце мне сжигает: что там впереди?..»

Скрипка сердце мне сжигает: что там впереди?
Я себя тебе вручаю, ты меня води,
я оливой стану – ты как голубь прилети,
потанцуй со мною, милый, до конца нашей любви.

И как в Вавилоне древнем – я станцую для тебя,
как блудница – дерзко-смело, душу погубя,
и никто нас не увидит – все свидетели ушли,
потанцуй со мною, милый, до конца нашей любви.

Повенчайся ты со мною в танце навсегда,
слова «нет» ты не услышишь, ты услышишь «да»
Потанцуй со мною долго, нежно – только позови,
потанцуй со мною, милый, до конца нашей любви.

Пусть весь мир вокруг погибнет, только ты танцуй,
обо всём забудь, мой милый, – и меня целуй,
нашим детям этот танец мы передадим в крови,
потанцуй со мною, милый, до конца нашей любви.

Скрипка сердце мне сжигает: что там, впереди?
Я себя тебе вручаю, ты меня води,
по моей щеке рукою нежно проведи,
потанцуй со мною, милый, до конца нашей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.